

С. ГОРАК

**ТУРКМЕНИСТАН В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОГО
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА:
ПЕРЕСТРОЙКА ВЛАСТНОЙ ВЕРТИКАЛИ ПОСЛЕ
РАСПАДА СССР**

Среди бывших советских республик Туркменистан – самое необычное и наиболее репрессивное государство. В стране создан режим, который, по мнению многих авторов, относится к авторитарному, тоталитарному или султанистскому [Linz-Stepan, 1996; Chahabi-Linz, 1998; Cummings-Ochs, 2002; Bohr, 2003]. На самом деле, каждая из этих интерпретаций, на наш взгляд, является значительным упрощением и не учитывает сложности, специфики и уникальности созданного в стране режима. В данной статье предпринята попытка проанализировать соотношение между формальными и неформальными сторонами правления в Туркменистане, для того чтобы нарисовать реальную картину политического режима в стране.

Мы исходим из того, что власть в Туркменистане сильно централизована и неформальные практики доминируют над формальными институтами, которые играют, скорее всего, лишь декоративную роль. Первое лицо государства выступает источником неформальных институтов, и личностный фактор играет решающую роль в политике, определяя и все остальные сферы жизни. Такая ситуация ставит исследователя перед серьезным вызовом, поскольку в закрытых и полужакрытых режимах крайне трудно собрать достоверные эмпирические данные, а потому приходится анализировать редкие и субъективные косвенные сведения о лидере, в том числе касающиеся его психологических черт и характера, без чего невозможно понять сущность политического режима.

Для понимания причин возникновения на территории Туркменистана столь специфического режима, на наш взгляд, необходимо проанализировать прежде всего следующие аспекты власти:

- наследие и инерция прежней эпохи;
- формальные и неформальные механизмы президентской власти;
- происхождение лидера, его личностная характеристика и характеристики его окружения;
- политическая культура, при которой система власти основывается на характере и поведении первого лица, руководящего всеми ветвями власти.

Для понимания режима в Туркменистане аналитики нередко ссылаются на опыт и наследство досоветского и советского периодов [Кадыров, 2003; Кадыров, 2011; McGlinchey, 2011, с. 19–28]. Можно согласиться с тем, что историческая динамика сильно воздействовала на личности и поведение тех, кто оказался у власти. Политические элиты Туркменистана изменялись в течение 100 лет. В досоветский период существовали племенные союзы туркмен, затем функционировала советская партийная элита, которая во многом зависела от центральных партийных органов в Москве и частично состояла из нетуркмен [Кадыров, 2003, с. 105–108]. Лишь в послевоенное время влияние туркмен на принятие решений начало возрастать, а в постсоветский период сформировалась элита, характеризующаяся, как мы это покажем дальше, постепенной национализацией кадров с предпочтением одной субэтнической составляющей (ахалских теккинцев) вплоть до племенного гегемонизма при втором президенте.

Централизованные и персоналистские режимы, власть которых держится на одном лидере, сильно зависят от личных характеристик первого лица, в частности от уровня его образования и мировоззрения. Если Туркменистан причислить к таким режимам, то фигура лидера станет одним из ключевых элементов формирования государства, определения формальных институтов, всей системы властной вертикали и, что очень важно, политической культуры. Если совместить эти две функции – единственного у власти первого лица и основателя государства, – то может создаваться прочная система ценностей, в которой воспитываются новые поколения политиков и лидеров. В итоге такую политическую культуру невозможно будет переформатировать в другую даже при

сильном потрясении – таком, как революция, переворот или конфликт (внутренний или внешний). Тем более, что в Туркменистане Сапармурат Ниязов смещал всех, кто представлял потенциальную альтернативу его личной власти, пока в стране не осталось сильных конкурентов, которые могли бы повлиять на поведение президента [Кулиев, 2006, с. 142–147]. Таким образом, президент смог создать полностью подконтрольные себе органы власти и лояльную элиту. Благодаря относительно небольшой численности населения и получению прибыли от продажи нефти и газа репрессивный аппарат имеет ресурсы для поддержания атмосферы страха в обществе и сохранения существующего политического режима.

В ситуации узурпирования власти одним человеком политическая культура представителей элиты ориентирована на президента, которому окружение старается всячески угодить. Никто не может бросить вызов первому лицу. Эти аспекты необходимо учитывать в случае ухода лидера или его физической неспособности управлять ситуацией в стране: новый лидер будет рекрутироваться из тех, кто воспитан в данной системе и воспринял все ее «правила». Оказавшись у власти, он овладеет созданной его предшественником централизованной системой и будет действовать в духе той политической культуры, которая его окружала и благодаря которой он стал первым лицом.

Таким образом, можно сказать, что туркменская система основана больше на неформальных нормах, а в политической культуре отражается характер лидера.

Формальные институты периода Ниязова

Строительство государственных структур в постсоветском Туркменистане началось с принятия первой Конституции 18 мая 1992 г. Эта дата считается праздничной, а само событие является одним из столпов национальной идеологии, особенно в постниязовский период.

В первые годы независимого Туркменистана формирование институтов власти было связано с идеологическими и личностными моментами. Была провозглашена идея «возвращения к традиционным формам управления туркмен» [Кадыров, 2003; Демидов, 2002; Рухнама 2001]. В результате появились такие государственные институты, как парламент (Меджлис), нестандартный Халк

Маслахаты и Совет старейшин [Šír 2006; Шир 2004]¹. Они изначально формировались как подчиненные президенту: карманный парламент с 50 депутатами, которые избрались от единственной зарегистрированной партии во главе с президентом; расплывчатый многотысячный орган Халк Масахаты, состоящий из всех ветвей власти и лиц, утвержденных президентом. Судьи назначались и освобождались без четкой законодательной базы фактически президентом [Рыблов, 2004, с. 83].

Конституция 1992 г. закрепила этнократический подход к созданию государства. Согласно ст. 55 Основного закона, президентом мог стать лишь этнический туркмен, а это исключало возможность баллотироваться в тогдашнем Туркменистане около одной пятой части населения страны, принадлежащего к национальным меньшинствам. В дальнейшем, как мы увидим, данное положение фактически стало беспредметным, поскольку выборы президента перестали проводиться в стране. К «возрождению традиции» принадлежала и инаугурация президента, которая проходила в традиционном чабанском костюме [Рыблов, 2004, с. 78]. Таким образом, следование традициям и формирование современной национальной идеологии действительно стали стержнем новой политической системы Ниязова, подпитываемой, в основном, льстивым и низкопоклонским окружением и эгоизмом президента.

Центральной фигурой формальной и реальной политики стал президент, полномочия которого были установлены Конституцией 1992 г. Ниязов, который, по словам очевидцев, сам редактировал новую Конституцию [Кулиев, 2006; Демидов, 2002; Рыблов, 2004], постарался закрепить за собой право решать все важные вопросы, совместив прямо или косвенно законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Свой взгляд на соблюдение норм Основного закона президент Ниязов высказал после своего избрания президентом в 1992 г., когда сообщил правительству о своем намерении остаться на своем посту пожизненно (интервью автора с Авды Кулиевым, 1999 г.).

Будучи главой исполнительной власти, президент взял на себя и другие функции в государстве. Власть правительства, пар-

¹ В данной статье мы не будем заниматься анализом этих институтов, поскольку их создание, функции, полномочия и динамика развития уже достаточно подробно описаны в литературе.

ламента, Халк Маслахаты и других политических органов была сугубо символической и номинальной, и фактически единственным центром власти в стране был президент, который брал на себя полномочия всех вышеобозначенных институтов.

Повышение статуса главы государства шло формальными и внеконституционными шагами. В январе 1994 г. референдум о продлении президентских полномочий отменил президентские выборы, намеченные на 1997 г. И в конце концов на заседании Халк Маслахаты в декабре 1999 г. был принят Конституционный закон Туркменистана «Об исключительных полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши», в котором ему было предоставлено «исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока» [Конституционный закон Туркменистана, 2000].

В рамках законодательных полномочий президент был наделен правом издавать (как и согласно многим другим конституциям на постсоветском пространстве) декреты, имеющие силу закона. Путем формирования лояльного парламента президент получил возможность влиять на законодательную власть. Назначение судей (в либеральных странах во многом это формальный акт) на практике привело к значительному возвышению президента в судебной сфере.

С чисто формальной точки зрения основным органом власти стал Халк Маслахаты (Народное собрание). Поправки к Конституции, принятые в 2003 г., были направлены прежде всего на укрепление его полномочий. Этот орган совмещал функции исполнительной, законодательной и судебной власти и одновременно выступал как четвертая ветвь власти [Конституция Туркменистана, 2003]. В связи с этим необходимо отметить неординарную роль Халк Маслахаты в судебной системе Туркменистана. Положение Конституции закрепляло за Халк Маслахаты право «объявления отдельных неправовых деяний действиями по измене Родине, объявления изменниками Родины лиц, признанных виновными и осужденных за совершение таких деяний, и решения вопроса о разрешении применения к ним исключительной меры наказания в виде пожизненного лишения свободы» (ст. 48 Конституции Туркменистана в ред. от 2003 г.). Надо добавить, что к судебным процессам этот орган был причастен уже к концу 2002 г. при расследовании так называемого покушения на президента республики [OSCE Rapporteur's Report on Turkmenistan, 2003].

Таким образом, именно президент контролировал все институты власти, которые стали инструментами утверждения воли лидера. Сюда избирались лояльные президенту лица, а руководителями этих органов становились люди, способствовавшие продвижению культа личности Ниязова. В Туркменистане была выстроена сильная властная вертикаль с президентом, регулирующим все государственные структуры и, как результат, личные судьбы их представителей. Политическая культура Туркменистана основывалась на низкопоклонстве и коррупции.

Неформальные институты периода Ниязова

После назначения в 1986 г. Сапармурата Ниязова на пост Первого секретаря КП Туркмении началось постепенное возвращение ахалтекинской элиты к власти. Возвышению этого племенного союза (или племенного землячества) [см.: Кадыров 2003 а, с. 110–113] способствовало, как ни странно, страшное кровопролитие ахалских текинцев в 1881 г. у крепости Геок-Депе. Русские, создавая центр управления Закаспийским краем в одном из главных поселений ахалских текинцев (в Ашхабаде), не только получили контроль над самой опасной с их точки зрения частью туркмен, но и невольно содействовали их доступу к центральной власти в регионе [Демидов, 2002, с. 45].

Хотя советская власть старалась уравновесить влияние разных племен и региональных группировок, в рамках советских институтов шла закулисная борьба разных неформальных групп, основанных не столько на классовой, сколько на племенной почве [Edgar, 2004, p. 268]. В целом в первые годы советской власти, и особенно в годы правления Сталина, племенная принадлежность играла больше второстепенную роль по сравнению с назначениями из Москвы или влиянием местных русифицированных кадров [Кадыров, 2003, с. 91–104]. Но начиная с 1940-х годов положение первых секретарей ЦК туркменского происхождения укрепилось, в то время как второй секретарь-нетуркмен оставлял за собой больше контрольную функцию и во внутриэлитные дела туркмен вмешивался меньше. Однако внешняя сила (Москва) все еще назначала Первого секретаря. Стараясь, помимо прочего, не допустить племенного гегемонизма ахалских текинцев, центр власти которых был в Ашхабаде и его окрестностях, с 1951–1985 гг. Мо-

сква давала этот пост представителям других племен и регионов. Ахалские текинцы занимали посты как максимум среднего звена. И наоборот, первые секретари, не имея за спиной поддержки своих земляков, были лояльными московскому центру [Кадыров, 2003, с. 126–133].

Лишь в 1985 г. появилась фигура Ниязова, связанного с ахалтекинским регионом. Несмотря на эту связь, Ниязов опирался, скорее всего, на Москву, так как должен был действовать в рамках системы советско-партийных органов. Кроме того, у него как у сироты отсутствовала сильная поддержка со стороны ахалтекинских родов. В тот период формальная власть и неформальная поддержка извне играли для Первого секретаря более существенную роль, чем поддержка племен. К тому же официально велась «борьба против клановости и регионализма» [Туркменская искра, 1988]. Однако после назначения Ниязова на пост Первого секретаря ЦК Компартии Туркмении начались кадровые чистки, которые способствовали продвижению ахалских текинцев во властной вертикали.

После распада СССР контроль и поддержка Москвы перестали играть главенствующую роль. В этой ситуации Ниязов, не имея полной поддержки внутри страны и внутри ахалтекинской элиты, должен был избавиться от оппозиции, чтобы сохранить свой пост, особенно перед лицом мощных родов ахалских текинцев. Он не мог опереться ни на один регион, а поэтому создал централизованную систему власти с послушной и запуганной элитой [Кулиев, 2006, с. 6–8]. Ниязов старался не допустить к власти возможных соперников, особенно ахалтекинского происхождения. В этом кроются корни его единоличного правления.

В итоге Ниязов, поддерживаемый своим низкопоклонским окружением, был «опьянен» своей властью. Постепенно сформировался культ личности, который охотно создавало его окружение, а Ниязов этому не препятствовал, разве что словесно на публике. Происходило обожествление первого лица, которое достигло своего пика в 2001 г. после издания священной книги Рухнама и провозглашения Ниязова пророком туркмен [Баллыев, Онеев, 2001]. Таким образом, новый режим и авторитарная политическая культура в Туркменистане имели вполне прагматические цели – сохранить Ниязова у власти и создать образ лидера, чтобы никто из влиятельных ахалтекинских родов не смог его свергнуть.

Вместе с тем на практике Ниязов поощрял ахалтекинскую элиту по логике «все-таки свои» и русифицированных туркмен, но с известными всем оговорками: репрессивный аппарат был способен отстранить от власти любого, кто потенциально претендовал на место президента, несмотря на родовую или региональную принадлежность. В результате нескольких волн чисток были отстранены наиболее влиятельные, по мнению Ниязова, лица ахалтекинской принадлежности.

Значительную неформальную власть приобрела Администрация президента. Ее главными лицами стали лояльные Ниязову и меркантильные советники-нетуркмены, которым он доверял еще со времен Советского Союза [Begench 2008]. В круг приближенных Ниязову входили также иностранные бизнесмены из разных стран (особенно из России, Турции или Израиля), которые влияли на Ниязова намного больше, чем туркменские элиты.

Политика определялась непредсказуемостью лидера и его требованием абсолютной послушности, без которой нельзя было, по его мнению, уничтожить ахалтекинскую элиту. Частые кадровые перестановки заставляли чиновников пользоваться своим кратким пребыванием на должности для личного обогащения, что также делало их послушными Ниязову, который был хорошо осведомлен о прегрешениях своих подчиненных и лиц своего окружения. Интересно, что, в отличие от других постсоветских лидеров, Ниязов практически никак не продвигал своих родственников во власть или бизнес: его сын имел лишь относительно небольшой гостиничный бизнес [Беседа, 2002].

Итак, к концу правления Ниязова туркменская элита представляла собой узкий круг приближенных президенту (10–15 человек), которые по разным причинам не были отстранены от власти в результате чисток. Принадлежность к ахалтекинскому клану не была основанием для удержания своей позиции, важнее были лояльность президенту и способность помогать ему.

Формальные и неформальные институты периода Бердымухаммедова

После смерти Туркменбаши политическая элита оказалась способна буквально в считанные часы договориться о перераспределении наследства Ниязова, определив тем самым судьбу страны

на годы вперед. Переход власти от старого к новому президенту в полной мере показал чистую формальность конституционного строя в стране и доминирование неофициальных механизмов рекрутирования элиты. Действующий тогда конституционный порядок предполагал передачу президентских полномочий в руки председателя Меджлиса Туркменистана. Это, видимо, не устраивало тогдашние элиты, и председатель парламента Овезгельды Атаев был в спешном порядке заключен под стражу и скоро осужден.

Таким образом, при отсутствии президента и председателя Меджлиса центром власти стал Совет государственной безопасности. До тех пор этот институт был чисто совещательным органом при президенте и никак не вписывался в конституционный строй страны. А в декабре 2006 г. здесь собрались все лица, реально управляющие страной. И именно они от имени Совета государственной безопасности объявили тогдашнего министра здравоохранения Гурбангулы Бердымухаммедова временно исполняющим обязанности президента и руководителем организации похорон Ниязова [Нейтральный Туркменистан, 22.12.2006]. Назначение врио президента символично указало на нового лидера страны. Факт неконституционной узурпации власти Советом государственной безопасности затем формально подтвердил поправками в Конституцию единственный для этого уполномоченный орган – Халк Маслахаты – на своем внеочередном заседании 26 декабря 2006 г. [Нейтральный Туркменистан 28.12.2006].

Конституционные изменения от декабря 2006 г., однако, можно было считать только временными до тех пор, пока не будет ясно, как сложится неформальная власть в стране [Конституционный закон «Об изменениях и дополнениях Конституции Туркменистана», 2006]¹. В 2007–2008 гг. президент Бердымухаммедов стал неоспоримым не только формально, а также фактически человеком № 1 в стране. После выборов президента, на которых Бердымухаммедов получил почти 90% голосов, в руках нового

¹ Изменениям подверглась ст. 50, которая дала Совету национальной безопасности право собрать Халк Маслахаты в случае неспособности президента исполнять свою функцию. По ст. 60 Совет национальной безопасности мог назначать и. о. президента из рядов заместителей премьера (Бердымухаммедов как раз выполнял эту функцию). И конечно, ст. 51 снизила (для Бердымухаммедова, тогда 49-летнего) возраст для президента с 55 до 40 лет.

главы государства начали сосредоточиваться новые полномочия. Бердымухаммедов был избран председателем Халк Маслахаты, главой официальных организаций (движение «Галкыныш», Гуманитарная ассоциация туркмен мира, Олимпийский комитет и др.) или председателем единственной тогда действующей политической партии – Демократической партии Туркменистана. Все эти шаги формально легитимизировали новую власть.

Конечную точку над институциональным переходом от системы первого президента к системе второго поставило принятие фактически новой Конституции на заседании Халк Маслахаты в сентябре 2008 г. [Нейтральный Туркменистан, 27.9.2008]. Новый текст Конституции значительно упрощал политическую систему Туркменистана и одновременно формально подчеркивал роль президента страны. Президент был наделен значительными полномочиями, включая издание указов, имеющих силу закона (ст. 54). Более того, в ст. 116 запрещалось менять президентскую форму правления в стране. В Конституции отсутствовали ограничения на число сроков занятия должности президента. Это означает, что президент может не утруждать себя референдумами о продлении своих полномочий и избираться каждые пять лет в рамках подконтрольной ему системы. При этом выразить недоверие президенту можно только с согласия трех четвертей депутатов парламента, что делает импичмент фактически невозможным при существующей системе.

Был ликвидирован аморфный Халк Маслахаты и создан «стандартный» парламента, состоящий из 125 членов. Однако президент и далее мог управлять этим органом, поскольку в его полномочия входит, кроме всего прочего, и назначение членов Центральной избирательной комиссии, от которой зависит состав парламента. В региональной политике за президентом было оставлено право назначать хакимов велятов (губернаторов областей); данное положение фактически подтвердило существующую практику в стране.

Таким образом, новая Конституция относительно простым, понятным и ясным способом определила политическую систему страны. Авторы текста не раздумывали над псевдodemократическими фразами и разработали текст, отражающий реальное положение политической системы в Туркменистане. Можно предположить, что Конституция, принятая в 2008 г., будет служить новому президенту до конца его правления [Кадыров, 2008] и в случае необходимости будет исправляться в соответствии с новыми вызо-

вами. В 2008 г. был принят ряд законов, регулирующих выборы президента и парламента. Была легализована возможность создания политических партий [Закон о политических партиях, 2012], на основе которого сформирована новая подконтрольная режиму партия. Президент также избавился от своего «штампа» учредителя всех газет, но фактически СМИ остались под контролем цензуры и самоцензуры [Байрамова, 2013].

Более того, оказалось, что формальные изменения в стране могут носить всеобъемлющий характер, но при этом ничего не меняется в реальных механизмах власти в Туркменистане [Peyrouse, 2012, p. 219]. Все указанные реформы формальных институтов показывают их фактическую слабость. Поскольку распад системы с исключительными полномочиями и особым положением Халк Маслахаты произошел спокойно и мирно, то очевидно, что страна управляется не формальными институтами и не Конституцией страны.

Неформальные институты президента Бердымухаммедова

При анализе неформальных, но более значимых в государственной системе Туркменистана институтов второго президента Бердымухаммедова необходимо сосредоточиться прежде всего на: 1) пути нового президента к власти; 2) укреплении его собственной власти и настройке механизмов управления страной.

Вероятно, ни один исследователь не может с полной уверенностью сказать, каким образом и под влиянием каких факторов Гурбангулы Бердымухаммедов оказался во главе государства. Можно лишь обозначить некоторые контуры.

Выше мы уже отметили, что в результате чисток и увольнений вокруг Ниязова остался небольшой круг самых приближенных. В эту узкую группу входили лица из силовых органов, администрации президента и отдельные министры¹, а также некоторые

¹ К этому узкому кругу можно отнести, прежде всего, начальника охраны президента Акмурата Реджепова (из Восточного Туркменистана, Лебапа), министра обороны Агагеллы Мамметгелдыева (из Тедженского р-на, Ахалский регион), министра национальной безопасности Гелдымухаммета Аширмухаммедова (из Балканского региона), министра внутренних дел Акмаммета Рахманова (из Ашхабада), генпрокурора Мухамметгулы Огшукова (из Бахарлинского р-на, Ахалский регион) и, на одном из последних мест, министра здравоохранения Гурбангулы Бердымухаммедова (из Гокдеринского р-на, Ахалский регион).

иностранцы или этнические нетуркмены, влияние которых на принятие тогдашних решений остается под вопросом¹.

Приближение к Ниязову могло сыграть важную роль. Если Бердымухаммедов, как предполагается, был личным врачом президента, то он мог оказаться рядом с Ниязовым в роковой момент и перехватить инициативу при разделении наследства.

Во время предполагаемого совещания Совета государственной безопасности 21 сентября 2006 г. могла повлиять и принадлежность Бердымухаммедова к ахалтекинскому региону. Хотя другие претенденты были также родом из этого региона, их взаимоотношения с влиятельными членами Совета безопасности не были безоблачными. В связи с этим всплывает компромиссная фигура министра здравоохранения, оказавшегося вполне приемлемой для всех кандидатурой, которой можно будет управлять.

После смерти Ниязова появились комментарии, в которых говорилось о роли внешних сил при выборе нового лидера страны. Однако решение быстро было найдено без какой-либо борьбы внутри элиты. Ни официально, ни в кулуарах не говорилось о советниках президента из президентской администрации нетуркменской национальности. Поэтому кажется, что они лишь принимали участие в воздвигании Бердымухаммедова на трон, пользуясь закулисной борьбой².

Скорее всего, решение о Бердымухаммедове как президенте было компромиссом, который на тот момент устраивал всех членов верхушки. Возможно, что некоторые члены совета воспринимали данное решение как временное и рассчитывали на изменение обстановки в пользу той или иной фигуры.

После своего избрания президентом Бердымухаммедов использовал широкий набор инструментов, чтобы укрепить собственную власть. Помимо переустройства формальной власти, о чем речь шла выше, новый президент отстранил всех, кто способствовал его приходу к власти, в частности начальника охраны прези-

¹ Прежде всего это сотрудники Администрации президента Виктор Храмов, Александр Жадан и Владимир Умнов.

² За помощь в психологическом анализе возможных сценариев при переходе к власти я благодарю доц. Иржиго Шипека с кафедры психологии философического факультета Карлова университета. И я полностью признаю, что данный психологический метод может оказаться умозрительным и поэтому неточным.

дента, которого считали самым влиятельным человеком после смерти Ниязова [Дубнов, 2007]. Фактически все, кто был связан с Советом государственной безопасности, после ухода Ниязова ушли сами или были лишены своих постов в течение 2007 г.

Ликвидация всех потенциальных соперников и формальные изменения в политической системе Туркменистана упрочили позиции Бердымухаммедова. Во-первых, вся верхушка смогла убедиться в силе нового лидера, и никто теперь не посмел бы покушаться на власть президента. Во-вторых, освободившиеся должности в разных сферах экономики могли быть заполнены родственниками нового президента. Перераспределение доходного бизнеса стало одной из самых отличительных черт нового режима по сравнению с предшествующим. Если Ниязов был сиротой и доверял прибыльный бизнес немногим, а большинство дел оставлял себе, то Бердымухаммедов должен был поделить доходные части туркменской экономики среди своих, чтобы сохранить их поддержку (для него ключевую) и выполнить свои обязанности перед ними [Кадыров, 2003, с. 166]. Поэтому роль патрон-клиентских отношений во время второго президента резко усилилась (Интервью автора с туркменскими бизнесменами в Москве, октябрь 2011 г.).

К данному обстоятельству прибавляется и сильный ахалтекинский и региональный национализм второго президента. Президент воспринимает только «чистых» туркмен – ахалских текинцев, а остальных туркменами не считает. Ахалский национализм (*ахалчилик*) становится ключевым фактором туркменской политики, несмотря на все реформы формальных институтов. Все стержневые посты в правительстве, государственных органах и предприятиях занимают выходцы из Западного Ахала, обычно родственники или самые приближенные президенту. Учитывая тот факт, что эти люди проводят чистку в рамках вверенного им учреждения, ахализация страны или, по крайней мере, столицы затронула фактически всю политическую и экономическую сферу в стране и способствовала новой волне увольнений образованных кадров [В современном Туркменистане процветает национализм, 2012].

Здесь необходимо подчеркнуть, что региональная принадлежность еще не означает автоматического продвижения по властной лестнице или сохранения постов на долгое время. Данная привилегия относится только к узкому кругу ближайших родственников президента. Остальные могут быть смещены в любое

время, как показали уже несколько раз чистки в самых верхних эшелонах власти. Доказательством этого служит, например, увольнение Александра Дадаева, одного из самых влиятельных бизнесменов в стране, с поста председателя новой Партии промышленников и предпринимателей.

Помимо видных постов в государственных органах семья Бердымухаммедова постепенно заняла все прибыльные экономические сферы в стране. В их число входит таможенный бизнес (с нулевым и быстрым растаможиванием «своих» товаров), туристический бизнес (в прошлом отчасти курированным сыном покойного Ниязова), ювелирный бизнес, фармацевтическая и текстильная промышленность, продажа нефти и газа, строительство, телекоммуникации, дистрибуция табачных изделий и многие другие отрасли экономики. Управляют этими сферами, прежде всего, сестры президента Айнабат, Гульнабат и Мяхри или потомки президента [см.: например Кулиев, 2012; Дурдыев, 2012; Семейный бизнес президента Бердымухаммедова, 2011; Чарыярдурдыев, 2013; Агабаев, 2012 и другие статьи]. Помимо этого родственники президента занимают ответственные посты в силовых и экономических структурах, которые создают «крышу» для ведения бизнеса и отталкивают всех потенциальных конкурентов. Таким образом, с 2007 по 2013 г. удалось перераспределить большую часть экономики Туркменистана и поставить ее под контроль президентского клана. Неформальные институты власти в Туркменистане становятся более похожи на подобные режимы в Центральной Азии. В них главенствующую роль играют не традиционные неформальные институты (кланы, роды, племена, мафиозные структуры), а «семья» во главе с президентом. Гурбангулы Бердымухаммедов узаконивает и поддерживает эту семейную корпорацию, которая одновременно укрепляет и его собственную власть. Для президента, его семьи и приближенных к ним лиц создан взаимовыгодный симбиоз: чем прочнее контроль над туркменской экономикой, тем больше власти для президента, что опять-таки создает предпосылки для упрочения семейного бизнеса.

Заключение

За годы правления Сапармурата Ниязова и Гурбангулы Бердымухаммедова сложились две системы правления – формальная и

фактическая в рамках одной политической культуры. При этом формальная политическая система менялась в зависимости от президента, его интересов или (во втором случае) интересов его семьи и потребностей режима. Президент Ниязов и его окружение создали аморфную политическую систему во главе с многолюдным органом Халк Маслахаты. Его состав, избираемый из нескольких тысяч лояльных, запуганных и оплаченных за верность лиц, был способен только одобрять уже принятые решения. Вместо конституционных органов правила бал Администрация президента и Служба охраны президента, к которой принадлежали люди, приближенные к Ниязову и способные влиять на принятие решений. Это обстоятельство способствовало неуважению власти к конституционному строю, который мог меняться произвольно.

Второй президент Бердымухаммедов ушел от подхода своего предшественника, и его новая Конституция открыто работает на первое лицо страны. Система сдержек и противовесов замыкается на президента или на полностью подконтрольных ему лиц. Карманный и лояльный парламент выполняет такую же функцию, как и многолюдный Халк Маслахаты, процесс отбора кандидатов находится под контролем.

Однако, какая бы ни была в Туркменистане политическая система, фактическое принятие решений ведется скрыто и неофициально. В связи с этим необходимо учитывать два фактора. Первым является возврат ахалских текинцев к власти. Во время Ниязова предпочтение ахалским текинцам носило сдержанный характер, что было связано лишь с тем, что сам Ниязов происходил из этой среды. Тогда представители других регионов могли продвигаться по властной лестнице, если они были полностью лояльны Ниязову. Второй президент, однако, не скрывает господствующего положения своего региона над другими в стране. В долгосрочной перспективе это чревато возможными конфликтами между регионами и центром, которое может произойти, прежде всего, в случае ослабления президентской власти [Кадыров, 2003].

Важный элемент неформальной власти в Туркменистане во время второго президента – это «семейный» клан вокруг вождя. Система протерпела изменения при переходе от первого президента ко второму. Семья Ниязова погибла, если верить его официальной биографии, во время Великой Отечественной войны и в результате страшного землетрясения в 1948 г. Сам Ниязов, как

единственный чудом выживший, был отправлен в детдом. В итоге его семейный круг был узок, тем более что его жена проживала в России, а сын был единственным членом «семьи», который пользовался покровительством президента. В отличие от первого президента, действующий глава государства ввязан в сложную систему связей внутри широкой семьи, растущие аппетиты которой должен обеспечивать. Отсюда логичны масштабные кадровые перестановки в стране и перераспределение экономических сфер. В итоге даже лояльные члены элиты становятся ненадежными из-за их «неправильного» происхождения. Президент заполнил их места менее профессиональными людьми, являющимися родственниками. Таким образом, в отличие от Ниязова, для которого важнее всего была личная преданность, при Бердымухаммедове определяющую роль при продвижении играет приближенность к «семье».

Политическая культура как фактор анализа политической системы в политологии недооценена. При этом на примере Туркменистана можно показать, что именно политическая культура играет важнейшую роль не только при формировании, но и при сохранении политической системы в стране. Политическая культура в Туркменистане сложилась с упором на главу государства. Кто бы им ни был, он уже с самого начала воспринимается в качестве лидера, которому надо польстить, чтобы добиться своей цели или просто выжить. Итог распространения такой культуры – прочная вертикальная система с единственным центром в лице президента с практически неограниченной властью. Позиция лидера нации (туркмена № 1 или ахалского текинца № 1) и принятые им решения не подвергаются сомнению, а выполняются незамедлительно. Средством выживания в этой системе стали материальные преподношения и открытое низкопоклонство вышестоящему лицу. Практическим проявлением этой культуры стала почти абсолютная возможность покупки всех постов (при условии, что данные сделки не навредят правящей семье) и, как следствие, всеобъемлющая коррупция в стране.

В данной вертикали с неоспоримым лидером политическая система и культура четко определяются личностными характеристиками вождя, его мировоззрением, воспитанием и происхождением. И наоборот, выработанная политическая культура в стране будет и в будущем определять характер лидера. Любой лидер страны является продуктом этой политической системы и работает

в окружении людей, тоже выросших в такой системе. Поэтому преодоление сложившейся политической культуры в Туркменистане может занять несколько поколений.

Из этого вытекает, что изменить существующий режим в стране (даже по воле его вождя) будет крайне сложно. И если удастся поменять формальную составляющую политики в Туркменистане, то лидер наткнется на отпор со стороны неформальной системы и, особенно, на инертную политическую культуру.

Литература

- Агабаев Х.* Туркменистан как «частный огород» для президентской семьи // Хроника Туркменистана, 21 июля 2012 г. – Режим доступа: <http://www.chronotm.org/2012/07/turkmenistan-kak-chastnyiy-ogorod-dlya-prezidentskoj-semeyki/> (Дата посещения: 8.08.2012.)
- Байрамова Н.* Закон есть. Будет ли свобода? // Гундогар. – 11.01.2013. – Режим доступа: <http://www.gundogar.org/?02450513223000000000000011000000> (Дата посещения: 17.11.2013.)
- Байсынов А.* В современном Туркменистане процветает национализм // Гундогар. – 20.09.2012. – Режим доступа: <http://www.gundogar.org/?0242051287000000000000000011000000> (Дата посещения: 17.11.2013.)
- Баллыев К., Одаев О.* Слово Пророка // Нейтральный Туркменистан. – 21 мая 2001 г.
- Беседа руководителя Объединенной оппозиции Туркменистана Авды Кулиева с бывшим вице-премьером Туркменистана Худайберды Оразовым // Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. Информационно-аналитический бюллетень. – 2002. – № 47, 1.03. – С. 51–53.
- Демидов С.* Постсоветский Туркменистан. – М.: Наталис, 2002. – 224 с.
- Дубнов А.* Конец ниязовского бизнеса // Время новостей. – 30.07.2007. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2007/134/5/183765.html> (Дата посещения: 17.11.2013.)
- Дурдыев, Ч.* Туркменистан – непрозрачная система здравоохранения // Centrasia.ru. – 2.08.2012. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1343887260> (Дата посещения: 17.11.2013.)
- Кадыров Ш.* Нация племен. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. – 368 с.
- Кадыров, Ш.* Авторитаризм как проявление слабости режима // Независимая газета. – 13.01.2003.
- Кадыров Ш.* Туркмения меняет конституцию. Но при этом создает резервную ветвь власти // Независимая газета. – 15.09.2008.
- Кадыров Ш.* Многоликий туркменчилик. – М.: ИВ РАН-IFECAS, 2010. – 304 с.
- Конституция Туркменистана. – Ашхабад: Изд-во Туркменистан, 1992.

